

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С. С. Ключенович

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ
НОМИНАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

В центре исследования находятся проблемы функционирования этнокультурно маркированных единиц номинации в современном медийном дискурсе. В статье рассматриваются вопросы, связанные с интерпретацией семантики конструкций, анализом их прагматики. Исследуются возможности преодоления лингвокультурного барьера при переводе.

По мнению В. А. Масловой, «лингвокультурологический анализ <...> помогает увидеть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью» [1, с. 11–12]. Схожую мысль высказывает Н. Д. Арутюнова: «присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [2, с. 3]. Именно то, как выстраивается структура текста с учетом включения в него определенных единиц номинации, какая семантика закладывается в эти конструкции, каким воздействием на читателя они обладают, – все это является предметом рассмотрения в данной статье. В этом смысле важно понимать, что речь идет не только об «установлении национально-культурной специфики языковых единиц и текста, а о выявлении механизмов внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов ее извлечения оттуда носителем языка» [1, с. 14].

В сфере политических реалий в процессе межъязыковой коммуникации могут возникать определенные лингвокультурные барьеры. Так, вряд ли узуальным будет переводческое соответствие *земельный политик* для немецкого *Landespolitiker*. В силу того что лексема *Land* подразумевает *Bundesland* ‘федеральная земля’, что представляет собой культурно-специфичное обозначение регионов административного деления ФРГ, то в качестве прагматически приемлемого для белорусской аудитории варианта перевода можно предложить *политик регионального уровня*. А вот *Kommunalpolitiker* можно даже назвать «ложным другом» переводчика. Ведь дословный перевод на русский язык абсолютно не приемлем, потому что подразумевается *политик муниципального уровня*.

Ввести в заблуждение может также и такой семантически емкий композит, как *Unionspolitiker*, применительно к политическим реалиям ФРГ. В отличие от *Unionsstaat Russland – Belarus* (Союзное государство России

и Беларуси) здесь такой полексемный перевод не допустим. Дело в том, что единственная партия Германии, в названии которой присутствует лексема *Union* ‘союз’ вместо *Partei* ‘партия’, – это ХДС. Поэтому переводческим соответствием для *Unionspolitiker* может быть, например, *политик от ХДС* или как вариант – *христианский демократ*.

Важно зафиксировать, что культурно-специфичная информация не сводится только к так называемым реалиям как безэквивалентной лексике. Сегодня в науке разрабатываются также вопросы, связанные с передачей культурно-специфичных смыслов номинативной единицы. В этой связи В. С. Виноградов говорит об «ассоциативных реалиях». Т.е. речь идет о тех смыслах, которые нашли «свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных камертонах, во внутренней словесной форме и т.п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках» [3, с. 38]. А. О. Иванов говорит в таких случаях об «ассоциативных лакунах» [4, с. 9–11].

Рассмотрим в этой связи текстовый пример: *Bremens grüner Umweltsenator Ralf Fücks plant ein Öko-Stadtviertel... Das erste autofreie Wohnviertel Deutschlands soll in Bremen entstehen. ...* (http://www.spiegel.de/thema/ralf_fuecks/dossierarchiv-2.html). Как видим, несмотря на кажущуюся формальную незамысловатость словосочетания *grüner Umweltsenator* становится ясно, что в семантической структуре слова *grün* актуализировано значение партийной принадлежности городского чиновника, т.е. его членство в партии зеленых, что, правда, проступает не с такой очевидностью, как в случае с полилексемными конструкциями *der Grünen-Politiker* или *der Vertreter der Grünen-Fraktion*. Верность нашей интерпретации ассоциативной семантики прилагательного *grün* подкрепляется также присутствием в приведенном текстовом фрагменте таких производных, как *Öko-Stadtviertel* ‘экоквартал’ и *autofrei* ‘свободный от автомобилей’. По сути, второй комплекс (*das autofreie Wohnviertel*) эксплицирует, в чем заключается экологичность нового района города – в запрете автомобильного движения.

Верность интерпретации ассоциативной семантики прилагательного *grün* подкрепляется также и первым компонентом композита *Umweltsenator* (*Umwelt* ‘окружающая среда’). На первый взгляд может показаться, что лексемы *grün* и *Umwelt* дублируют друг друга, одна из них как будто избыточна. Однако если первая репрезентирует политические взгляды, то вторая – сферу ответственности как одного из градоначальников Бремена. Интересно, что официальное название должности Ральфа Фюкса звучит следующим образом: *Senator für Stadtentwicklung und Umweltschutz*. Как видим, прагматика медийного текста (материал в немецком журнале «Шпигель») не располагала к тому, чтобы приводить полное название должности. Тем не менее содержательная канва текста предопределяет необходимость упоминания сферы его деятельности как чиновника. В итоге от двух комплексов *Stadtentwicklung* и *Umweltschutz*, представленных сращениями модели «субстантивная лексема + глагольная лексема», остается

лишь одна субстантивная лексема *Umwelt*, призванная обобщенно репрезентировать то направление, которое курирует Ральф Фюкс в городской администрации.

Журналисту было важно упомянуть также и том, почему это ответственное лицо «продвигает» определенные проекты, т.е. его партийную принадлежность. Однако модель *der Grünen-Politiker* не очень подходит для этой цели, потому что позиция первого компонента композита уже занята лексемой *Umwelt*. В силу этого автор текста решается на более сложное семантическое взаимодействие в рамках комплекса *grüner Umweltsenator*.

Ассоциативно-понятийная лакуарность наблюдаются и в следующем примере: *die schwarz-gelbe Regierungskoalition in Nordrhein-Westfalen* (<https://www.sueddeutsche.de/politik/nrw-schwarz-gelb-knirscht-1.3636159>). В партийно-политическом дискурсе ФРГ черный цвет может ассоциативно обозначать консерватизм (ХДС), а желтый – либерализм (СвДП). Сказанное позволяет констатировать, что в приведенном примере речь идет о правящей коалиции христианских и свободных демократов в земле Северный Рейн-Вестфалия.

Примечательно, что в этой же статье, точнее в ее заголовке, для обозначения той же коалиции используется еще более конденсированная единица номинации: *Schwarz-Gelb knirscht*.

Как видим, здесь уже формально представленными остались только названия цветов в их политико-ассоциативном значении, т. е. субстантивный компонент исходной конструкции (*schwarz-gelbe Koalition*) ушел в плоскость подразумевания, что в свою очередь знаменует следующий шаг в смысловой компрессии. Так, первый этап языковой экономии подразумевал параллельное ассоциирование каждой лексемы копулятивного композита с соответствующим референтом (политической партией), а второй этап – имплицирование предметно-понятийной семантики в силу элиминации лексемы *Koalition*. Описанный факт импликация подтверждается также частеречным преобразованием адъективного композита в субстантивный с целью автономизации его синтаксического статуса.

Текстовое развертывание открывает широкие возможности как для прямой терминологической номинации политических партий, так и для средств лексического иносказания благодаря использованию названий цветов политического спектра. Сказанное можно проиллюстрировать на текстовом примере: *Die Frankfurter Rathauschefin Petra Roth ignoriert Gespräche von CDU und SPD und favorisiert Schwarz-Grün*. Более того, в этой же статье, опубликованной в газете «Зюддойче цайтунг», используется и такая обобщающая формулировка: *Wenn es nach Petra Roth geht, wird die Main-Metropole bald parteipolitisch neu eingefärbt*. Именно наличие в семантической структуре номинаций цвета ассоциативных значений, символизирующих соответствующие партии Германии, стимулирует возникновение переносного значения у глагола *efärben* ‘раскрасить’ применительно к такому объекту, как город, точнее, к городским органам власти.

Как видим, по сути, в данных примерах мы имеем дело с конденсацией семантики на ассоциативной основе, что определяет и особую прагма-коммуникативную нагрузку таковых номинаций в рамках медийного политического дискурса. А это в свою очередь ставит перед лингвистами и переводоведами со всей четкостью и однозначностью вопрос об актуальности «анализа языка с целью выявления в нем национально-культурной семантики» [5, с. 8].

В силу того, что ФРГ является активным игроком региональной и мировой политики, современный немецкий язык открыт также к инокультурным концептам.

Достаточно вспомнить преобразования в Советском Союзе, инициированные М. С. Горбачевым. Именно в этой связи такие лингвокультуемы (в терминологии В. В. Воробьева)¹, как *гласность* и *перестройка*, не просто вошли в немецкий обиход, но и были освоены и приняты носителями немецкого языка. Приведем некоторые примеры такого включения в структуру немецкого текста: *die Phase der Perestrojka, vom Tauwetter zur Perestrojka, Perestrojka-Perspektiven, der Vater von Glasnost und Perestroika*. В некоторых случаях мы можем наблюдать, как автор текста наряду с реалией использует ее толкование: *Erst unter dem Einfluss von Gorbatschows Glasnost' („Transparenz“) wurde es* (www.europa.clio-online.de/essay/id/artikel-3191).

Близкий случай можно наблюдать, когда польский депутат, давая интервью немецкой газете, использует прагматическую адаптацию с ориентацией на соответствующего читателя: *In meinem Land regelt ein Gesetz seit 11. März 2004 die Zusammenarbeit zwischen Regierung und Parlament. Es ermächtigt die beiden Parlamentskammern – Sejm und Senat –, die Tätigkeit der Regierung zu kontrollieren* (Das Parlament, 17.09.2012). Как видно из приведенного примера, депутат, используя в своей речи реалии из парламентской жизни Польши, предваряет их сначала нарицательным именем *Parlamentskammern* ‘палаты парламента’, которое является при этом гиперонимом для обеих культурно-специфичных номинаций.

Сфера экономики также предлагает множество этнокультурно маркированных номинаций. Так, уже издавна известные в немецком языке единицы лексики могут обретать новое значение в связи с возникновением новых реалий в обществе. Рассмотрим конкретный текстовый фрагмент. *Deutsche Unternehmen genießen international einen ausgezeichneten Ruf. Sie stehen für das Qualitätssiegel „Made in Germany“, für Innovation, Qualität und technischen Vorsprung. Neben bekannten „Global Playern“ prägen auch viele Weltmarktführer aus dem Mittelstand die industriegetriebene deutsche Wirtschaft.* (TüD). Слово *Mittelstand* ‘среднее сословие’ приобрело в современном экономическом дискурсе новое значение ‘средний бизнес, компании средних

¹ В лингвистических работах можно встретить разную терминологию применительно к данному явлению: *лингвокультурема* (В. В. Воробьев), *культурема* (В. Г. Гак), *информема* (В. В. Морковкин), *концепт* (Ю. С. Степанов, В. А. Маслова). Используется также термин *культурный концепт*.

размеров'. Верную интерпретацию семантического неологизма поддерживает также тематическая цепочка, включающая такие емкие в смысловом отношении комплексы, как *Weltmarktführer* 'лидеры мирового рынка' и *industrietriebene deutsche Wirtschaft* 'немецкая экономика, где ведущую роль играет промышленный сектор'.

Речевая практика немецкого экономического дискурса демонстрирует активное использование сокращений. Многие из аббревиатур передаются через транслитерацию: *BMW* – *БМВ*, *BASF* – *БАСФ*, *MAN* – *МАН*. И если с такими конструкциями, как *BMW* – *БМВ* проблем не возникает (аббревиатура произносится по буквам, как в немецком языке, с некоторой разницей в артикуляции), то *БАСФ* и *МАН* становятся в русской речевой практике акронимами (произносятся как единое целое) в отличие от немецкого, где аббревиатуры *BASF*, *MAN* произносятся побуквенно.

Тем примечательнее следующий случай, где наблюдается номинативная лакунарность. Так, широко распространенная в современном немецком языке аббревиатура *VW* не имеет прямого соответствия в русскоязычном экономическом дискурсе. Переводческим решением здесь может стать использование полного названия «Фольксваген», что и подтверждается речевой практикой русскоязычного экономического дискурса.

Аналогичным случаем вполне допустимо считать и буквенную аббревиатуру *Lkw* (< *Lastkraftwagen*) 'грузовой автомобиль'. Примечательно, что именно благодаря аббревиации открываются широкие возможности участия этого (исходно трехлексемного) знака в качестве первого компонента емких и вместе с тем компактных универбов (*Lkw-Produktion*, *Lkw-Fahrer*, *Lkw-Verkehr*, *weltweite Lkw-Nachfrage*).

Интересны также примеры, когда пословный перевод номинативной конструкции недопустим. В таких случаях необходима прагматическая адаптация на основе соответствующих фоновых знаний. Так, *Volkswagen-Gruppe* в русскоязычном дискурсе становится концерном «Фольксваген», *Helmholtz-Zentren* – исследовательскими центрами имени Гельмгольца, а *Eon Energie AG* – энергетическим концерном «Эон».

Трудности в плане верной интерпретации полилексемного производного могут возникать не только в силу самого словообразовательного акта, не только в силу снятия грамматических маркеров межкомпонентных смысловых отношений универба и, как следствие, перехода этих отношений на уровень импликации, но и в силу наличия так называемой национально-культурной семантики, т. е. некой информации, связанной с определенными реалиями или спецификой экономической жизни конкретного социума. Обратимся к такому производному, как *DAX-Konzerne*. Сама аббревиатура *DAX* расшифровывается как *Deutscher Aktienindex*, т. е. речь идет о важнейшем индексе деловой активности Германии, который рассчитывается на основе акций тридцати ведущих компаний страны, поэтому в качестве перевода для *DAX-Konzerne* можно предложить *крупные немецкие концерны / флагманы немецкой экономики*.

Еще одним подтверждением присутствия национально-культурной специфики может служить следующий пример: *Seit dem Sieg des europafreundlichen Emmanuel Macron bei der ersten Wahlrunde jagt der Dax von Rekord zu Rekord. Die Märkte haben sich klar auf einen Wahlsieg Macrons eingestellt. ... Der Pariser Leitindex CAC40 stieg um 1,1 Prozent auf den höchsten Stand seit mehr als neun Jahren* (<http://www.wiwo.de/finanzen/boerse/frankfurter-boerse-us-arbeitsmarktdaten-hieven-dax-auf-neuen-rekord/19762424.html>). Как видим, в данном фрагменте упоминается важнейший фондовый индекс Франции. Однако автор не просто приводит его название CAC40, оставляя читателя «наедине» с этой инокультурной «загадкой». Журналист идет на прагматическую адаптацию этой французской реалии для немецкого реципиента, вводя номинативную структуру нарицательного характера *Pariser Leitindex*. В качестве варианта перевода на русский язык можно использовать аналогичный подход: *Индекс ведущих французских компаний «КЭК-40» (CAC 40) вырос на 1,1%.*

Актуальность экономических вопросов для широких слоев населения, активное внимание к этой тематике со стороны немецких СМИ приводят к тому, что в процессе номинации экономических реалий используется механизм метафоризации. Рассмотрим это на конкретном текстовом материале: *Der Euro-Rettungsschirm ist ein währungspolitisches Instrument, das die finanzielle Stabilität im gesamten Euro-Währungsgebiet sichern soll* (<https://www.rtl.de/themen/.../euro-rettungsschirm-t9502.html>). Сам текстовый фрагмент производит в целом довольно строгое впечатление, поэтому метафоричность полисеманта *Schirm* ‘экран, козырек, зонтик, абажур’ ощущается не с такой уж однозначностью. Поэтому продолжим анализ текстовой выборки.

Euro-Krise Bundesregierung will Dauer-Rettungsschirm früher aufspannen (www.spiegel.de › Wirtschaft › Staat & Soziales › Eurokrise 24/09/2011);

Die Brüsseler Gipfelrunde will nicht nur den Rettungsschirm weiter aufspannen, sondern auch das wirtschaftliche Überleben Griechenlands... (<https://www.sueddeutsche.de/politik/abstimmung-ueber-euro-rettungsschirm-merkel-wird-gestaerkt-nach-bruessel-fahren-1.1173369>).

Как видим на основании двух приведенных примеров, когда авторитетные немецкие периодические издания используют указанный неологизм с глаголом *aufspannen*, а порой еще и в сочетании с изображением раскрытого зонтика, тогда все сомнения относительного метафорического переноса исчезают. Примечательно, что в белорусских СМИ получила распространение нейтральная формулировка *европейский стабилизационный фонд*, а зачастую можно увидеть и такую компактную конструкцию, как *стабфонд ЕС*.

Не менее интересен и следующий пример лексического «долгожителя» *Währungshüter*, получившего широкое распространение в экономическом медийном дискурсе: *Traditionell gelten die Frankfurter Währungshüter als Anhänger einer eher zurückhaltenden Kreditvergabe des IWF...* (Financial Times Deutschland, 20.09.05). В данном контексте так иносказательно, и вместе с тем

метафорично, номинируется эмиссионный банк Германии (Бундесбанк). Само слово *Hüter* может означать ‘сторож, хранитель; пастух’, а исходный глагол *hüten* – ‘стеречь, охранять, оберегать, присматривать; пасти’. В качестве соответствия немецкому *Währungshüter* (если только, конечно, это не позиция ремы в высказывании, где можно предложить, например, вариант «гарант стабильности национальной валюты») в русскоязычных СМИ обычно встречается слово *регулятор*.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Такие сферы жизни социума, как политика и экономика, порождают немалое количество национально-культурно детерминированных единиц номинации. Культурно-специфичная информация не сводится только к так называемым реалиям как безэквивалентной лексике. На научную повестку дня выходят также вопросы, связанные с передачей культурно-специфичных смыслов номинативной единицы. Это означает, что наряду с предметно-понятийной лакунарностью возможны также ассоциативно-семантические лакуны. В таких случаях просто механическая подстановка лексем не обеспечит адекватности перевода, от переводчика требуется наличие фоновых знаний, касающихся соответствующего фрагмента внеязыковой действительности.

Чтобы обеспечить адекватность перевода, во многих случаях необходимо выполнить прагматическую адаптацию исходной конструкции с целью преодоления возникшего лингвокультурного барьера. Для этого переводчик может, например, вводить в свой текст дополнительные лексические единицы. Как правило, это будет нарицательное имя, призванное подготовить реципиента к восприятию некоторой реалии. Тем самым читателю предоставляется та часть фоновой информации, которая является релевантной для прагматически адекватного восприятия текста.

Языковая экономия может осуществляться благодаря разным «технологиям»: универбации, аббревиации, имплицированию предметно-понятийной семантики в силу элиминации лексемы в составе номинативного комплекса. Наряду с этим может иметь место конденсация этнокультурной информации в семантической структуре номинативных единиц, в том числе за счет ассоциативных, образно-метафорических значений, далеко не всегда получающих отражение в переводе, адресованном для представителей иной лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова ; отв. ред. У. М. Бахтикреева. – 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 208 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Индрик, 1999. – С. 3 – 17.

3. *Виноградов, В. С.* Перевод: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : КДУ, 2004. – 240 с.
4. *Иванов, А. О.* Безэквивалентное и непере译имое в переводе в свете современной лингвистической теории : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. О. Иванов; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1984. – 19 с.
5. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.

The article focuses on the problems of functioning of ethno-culturally marked nomination units in the modern media discourse. The article treats of issues connected with semantics interpretation and pragmatics analysis of the constructions. Possibilities of overcoming the linguo-cultural barrier during translation are under study.

Поступила в редакцию 15.04.2019

И. В. Кратёнок

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале современного английского языка)

В статье рассматривается проблема выявления ядра и периферии терминов финансовой терминологии. Подчеркиваются необходимость и трудности решения данной проблемы. Предлагается ряд критериев для определения ключевых финансовых терминов: установление их идентификационной роли в лексикографических толкованиях, частотность в общем дискурсе и специальных текстах, деривационная активность и участие в построении составных терминов.

Одной из задач, подсказанной современным развитием лингвистики, является исследование терминологических областей с точки зрения разного статуса единиц, составляющих данную терминологическую область.

Еще А. И. Смирницкий в 1956 г. в своем труде «Лексикология английского языка» высказал мысль об основном ядре лексики, основном словарном фонде языка, без описания которого «нечего думать о действительной характеристике данной лексики, о выявлении ее существенных особенностей» [1, с. 6–7]. Его идеи получили свое дальнейшее развитие в работе Р. З. Гинзбург, Ю. Д. Апресяна [2; 3] и др., в которых делается существенный шаг в развитии концепции А. И. Смирницкого. Речь идет о выделении единиц активного словаря, который включает множество корневых слов, по преимуществу стилистически нейтральных, с развитой многозначностью, с интересными сочетаемостными свойствами и богатым лексическим миром, и обладает существенными функциональными отличиями по сравнению с пассивным словарем [3, с. 30]. В последнее время теория о разграничении активного и пассивного словаря разрабатывается